

УДК 111.6; 171

Кравченко В.В.

Московский государственный областной университет

ИДЕОПРАКТИКА И СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ: РАЗЛИЧИЯ И ВЗАИМОСВЯЗЬ

V. Kravchenko

Moscow State Regional University

IDEOPRACTICE AND SOCIAL ACTION: DIFFERENCES AND COEXISTENCE

Аннотация. В настоящей статье идеопрактика понимается как процесс целенаправленной и осознанной реализации личностью определённого комплекса идей, рассматриваемых ею в качестве бесспорных смысложизненных ценностей. Исследуются также и другие подходы к понятию «идеопрактика», её функционирование в условиях социально-политического плюрализма. Выявляются различия между идеопрактикой и «социальным действием» М. Вебера. Устанавливаются линии взаимодействия между этими формами активности индивида, являющегося одновременно самодостаточной творческой личностью и неотъемлемой частью социума.

Ключевые слова: идеопрактика, идеология, «частная идеология», «социальное действие», «вчувствование».

Abstract. The article considers the concept of “ideopractice” as an individual way of social activity based on the minimum complex of individually significant ideas. Some other concepts of ideopractice and its functioning in the era of pluralism are analyzed. The differences between ideopractice and Weber’s “social act” and the trends of their correlation are examined. The individual as a creative person and a part of society is considered.

Key words: ideopractice, ideology, “private ideology”, “social act”, “grasp the meaning of sense”.

Философы и другие учёные-гуманитарии и обществоведы создают и рассматривают идеологии (социальные, политические, религиозные), системы мировоззрения, картины мира и пр. сугубо теоретически. Когда возникает вопрос об их практической реализации, создаётся впечатление, что властители дум механицистски (или метафизически) полагают, что навязанная обществу очередная «высокая теория» сама собой или по предусмотренной теоретической программе в полном объёме реализуется в общественной практике; или, иначе, что эта идеология перекочёвывает с книжных страниц прямо в головы людей (с разным уровнем развития и образования) и сразу становится им непосредственным руководством к действиям в повседневной жизни. Здесь можно напомнить знаменитые строки поэта-философа Ф.И. Тютчева: «Нам не дано предугадать,/ Как слово наше отзовется/ И нам сочувствие дается,/ Как нам даётся благодать...» [5, с. 136]. И никакие «революционеры сверху» никогда не смогут предсказать те направления и вариации их идей, которые получают свою подлинную реализацию в другой, весьма редуцированной, превратной, иногда – полностью извращённой, профанной форме в идеопрактиках множества людей.

Под идеопрактикой мы понимаем индивидуальный путь социального выживания индивида, позволяющий ему ощущать себя личностью, основанный на минимальном

© Кравченко В.В., 2013.

комплексе индивидуально значимых идей (смыслжизненных ценностей). Выстраивание индивидуальной ценностной системы личности – это особый сложный процесс, рассмотрение которого не входит в круг данного исследования. В нашем контексте важно подчеркнуть, что комплекс личностных идей, как личностно-жизненный ресурс, является неотъемлемой частью культуры. Он может рассматриваться, например, в ценностно-информационном аспекте, как первичный элемент в триаде «личностный мир – жизненный мир – культурный мир» [6].

В предельном случае, в условиях социальной катастрофы это может быть способ существования отдельного человека, оказавшегося в ситуации индивидуального выживания в непредсказуемой и сложной социальной среде. В более общем плане идеопрактика – это само моделирование на основе ограниченного набора «идей» социального выживания.

Иными словами, идеопрактики в наиболее яркой форме и в своём многообразии проявляются в условиях крушения государственно-политических структур и их идеологии, но они активно формируются и при наличии идеологического плюрализма для творчески активных индивидов, в первую очередь в социально-политической области. В социокультурном плане они постоянно существуют на базе общепринятых идеалов и ценностей культуры, из полного объёма которых отдельный индивид выбрал некоторые, ему духовно наиболее близкие, а главное – целенаправленно и осознанно начал их реализовывать в своей собственной жизни. В религиозной сфере – это непосредственное следование основным заповедям, причём не всем, а тем, которые внутренне глубоко прочувствованы и осознаны как неукоснительное правило ежедневной жизни (поскольку по сложности реального духовного объёма основных заповедей

все они одновременно в реальной жизни человека могут быть только недостижимым идеалом). И так, мы можем говорить о разнообразных идеопрактиках – политических, культурных, религиозных и др.

Идеопрактика – это форма реализации высокой идеологии (политической, религиозной, культурной) на уровне обыденной культуры, в среде обычных людей, которые, даже если в принципе способны задумываться на высокоинтеллектуальные или глубоко духовные темы, просто не считают нужным тратить на них своё время. Цели этих людей вполне просты и очевидны, связаны с непосредственным, «здесь и сейчас» выживанием, с решением насущных земных вопросов. Если идеопрактики большинства осмысленно действующих в обществе людей совпадают в целом с официальной идеологией (вне рассмотрения проблемы, почему и насколько самостоятельно они так действуют), мы можем ассоциировать идеопрактику с «частной идеологией» в толковании К. Манхейма [4, с. 52]. В этом смысле идеопрактика – это подлинная «лакмусовая бумага» для любой идеологии, это и есть «золотая цепь», связывающая небесное с земным, сакральное с профанным. Существуют почти «идеальные» идеологии, которые ориентируют на вполне универсальные в своём существе идеопрактики, но даже они не гарантируют того, что **все** возникающие на их основе идеопрактики будут благотворны и для самих практикующих, и тем более – для тех, кто их окружает. Речь идёт о «золотых виршах» Пифагора, о Четырёх Благородных Истинах Буддизма, о Законах Ману, о Десяти заповедях Моисея и т. д.

Идеопрактика может далеко расходиться с официальной идеологией, и в некоторых случаях для конкретного индивида это неизбежно, в той мере, в которой он, сам индивид, осмысливает собственную индивидуальность. Поэтому, в отличие от «социального действия» М. Вебера, идео-

практика не ориентирована в своём воздействии на других людей; она обладает смыслом только для того, кто её осуществляет. К тому же идеопрактика, как правило, социально не осмыслена, социально не ориентирована и даже не всегда сознательно мотивирована.

Наличие некоей практики, не являющейся социально ориентированной, признавал и М. Вебер. Так, он писал: «Социальное действие» (включая невмешательство или терпеливое приятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других <...> Не все типы действия – в том числе и внешнего – являются «социальными»... Внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других. Так, например, действия религиозного характера несоциальны, если они не выходят за пределы созерцания, прочитанной в одиночестве молитвы и т. д.» [1, с. 464]. Далее Вебер признавал, что не все действия имеют социальный характер, даже если индивид заимствует что-то у других и подражает этому.

Таким образом, идеопрактика, безусловно, будучи совокупностью неких внутренних и внешних осмысленных действий, носит не социологический, а социально-философский и социокультурный смысл. И в ней «практика» основана на идеях, «о-свое-нных» именно данным индивидом, причём на том эмоционально-рефлексивном уровне, который для него самого может быть и невербализуем. М. Вебер вполне обоснованно индивидуализировал социальную деятельность, однако он самого социального индивида в известной степени «дегуманизировал», отказав ему в уникальном духовно-деятельностном пространстве и значимости его личных переживаний в процессе самой деятельности. С позиции исследования идеопрактики становится очевидным, что и рационализи-

рованная теория «социального действия» М. Вебера, и отвергнутая им теория «вчувствования» (и в эстетической, и в простой повседневной интерпретации Т. Липпса [2; 3]) являются двумя крайними пределами, в которых может быть более или менее адекватно истолкована идеопрактика.

Идеопрактика, в сравнении с социальным действием, значительно менее «социальна». Она выявляет человеческую индивидуальность (а не социальную личность!) в отрыве от безликой «массы» и проводится не для массы, а для самого человека. Пусть и основанная на привнесённых извне идеях, идеопрактика открывает человеку его собственное «лица необщее выражение». Она демонстрирует возможность относительной индивидуальной самодостаточности, самостоятельного творчества. И при особом ощущении значимости собственной персоны она позволяет человеку «не выпасть из тренда», не теряться в толпе, одновременно чувствуя некую солидарность с подобными «отдельными» индивидами, каждый из которых может существовать в рамках собственной идеопрактики. Здесь уже можно говорить об особом аспекте «социальности», но не в области действий, а в сфере обобщающих эмоций и переживаний *после* индивидуально проведённой и непосредственно (внутренне) пережитой акции (внутреннего делания-переживания и затем внешнего осознанного акта, который для наблюдателя вряд ли может быть истолкован адекватно). Понимание результирующего единства и возможности существования разных идеопрактик одновременно у разных индивидов ближе к представлению о «множественности миров» в едином социуме, о «человечности» (подлинно человеческом в человеке) как таковой, имеющей и универсальный, и – в каждом индивиде – уникальный характер.

Кроме того, идеопрактика предполагает не одноразовую акцию, а постоянную и регулярную активность в определённой

сфере деятельности или в направлении к реализации какой-то конкретной цели. Можно подчеркнуть в идеопрактике именно индивидуализированную активность отдельного человека и её обусловленный характер (имея в виду привнесённость в сознание индивида чужих идей извне, которые были им восприняты, усвоены и приняты в качестве импульсов к конкретным действиям). Тогда, обратившись к веберовской классификации социальных действий, мы вряд ли увидим какие-то аналогии с видами идеопрактик, поскольку в конкретной идеопрактике могут сочетаться черты и традиционных, и аффективных действий. Более того, для любой идеопрактики характерна ценностно-рациональная ориентация, а «целерациональность» идеопрактики, в отличие от веберовского «социального действия», всегда и неотъемлемо включает эмоциональность.

Однако бесспорно и то, что осуществление определённой идеопрактики зачастую приводит к социальным действиям (намеренным или невольным), и здесь социокультурная практика может рассматриваться уже и социологически. Идеопрактика стимулируется (провоцируется, навязывается, предлагается) чьим-то внешним социальным действием, затем осуществляется, так сказать, в «автономном» режиме, а затем, например, при желании индивида поделиться своими откровениями или результатами (т. е. не просто рассказать, а передать другим, особым образом воздействовать на поведение других), можно говорить об определённых социальных действиях.

Существует и опасность для идеопрактик – их отрыв от актуальной жизни со-

циума, забвение или пренебрежение индивидом своей социальностью, некая эгоцентрическая крайность. В современном «атомарном» обществе это достаточно часто наблюдается, причём не только у фанатичных аскетов и анахоретов, которых в истории культур и религий известно предостаточно, но и среди тех, кто увлекается идеопрактиками в области науки, компьютерных технологий, серьёзного бизнеса и т. п. Проблема в том, что занимаясь своей жизненно важной и исключительно интересной деятельностью, часто осенённой высокими и благородными идеями, индивиды просто не знают, что это и есть идеопрактика. И что она имеет свои закономерности, границы, принципы, а главное – что она должна сохранять живую и регулярную связь с социальной активностью и как со своей противоположностью, и как со своим неизбежным дополнением.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков/ По ред. В.И. Добренькова. – М.: Международный ин-т бизнеса и управления, 1996. – С. 455-491.
2. Липпс Т. Основные вопросы этики / Пер. с нем. М.А. Михалева под ред. П. Струве. – СПб.: Изд-во О.Н. Попова, 1905. – 392 с.
3. Липпс Т. Самосознание, ощущение и чувство. – СПб.: Слово, 1910. – 84 с.
4. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 52-95.
5. Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. – М.: Правда, 1987. – 544 с.
6. Фащенко А.Н. Конституирование мира личности: информационно-аксиологический аспект // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». – 2012. № 2. С. 21-24.